

«КАРДИБАЛЕТ» В КОСМОСЕ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОДРОБНОСТИ ПОЛЕТА ЮРИЯ ГАГАРИНА

В эти дни Юрий Алексеевич праздновал бы свое 70-летие. И, судя по друзьям из первого отряда космонавтов, которые отмечают эту круглую дату, еще легко поднял бы одну-другую стопочку за прошлое и будущее и обязательно «за удачу!», которая так необходима в полете, будь то в космос на внеземном корабле или в «зону» на стареньком истребителе.

Казалось бы, о прекрасной и трагической судьбе первого космонавта планеты все известно: написаны книги, сняты фильмы, вышли десятки томов воспоминаний. Жизненный путь Юрия Гагарина - от рождения в деревушке под Гжатском до последнего полета на МиГ-е - досконально изучен, и найти что-то новое почти невозможно. Тем не менее в канун каждого его дня рождения мы - те, кто имел счастье встречаться с космонавтом, - пытаемся узнать еще об одной грани его подвига, высветить ее для наших детей и внуков.

По весне проходят «Академические чтения по космонавтике». Со всей страны собираются в Москве ученые и конструкторы, космонавты и историки. Несколько дней на пленарных и секционных заседаниях читаются лекции, идут дискуссии, делаются научные доклады. Уже 28 раз проходили такие чтения, и на каждой встрече мы узнаем нечто новое. Нынешние чтения не стали исключением. Они были посвящены 70-летию Юрия Гагарина, одно из заседаний проходило в Бетховенском зале Большого театра, руководство которого посчитало кощунственным брать плату за память о нашем первом космонавте.

Историки космонавтики получили в свое распоряжение полный доклад Ю.А. Гагарина о полете. Подробные записи были сделаны сразу же после приземления, они дополнялись после выступления космонавта на заседании Государственной комиссии. О своих переживаниях и чувствах Юрий Алексеевич не рассказывал - по крайней мере о тех, что связаны с самыми драматическими минутами полета. А их было немало!

Медики, а следом за ними и мы по фотографиям и киносъемке заметили, что Юрий сразу после посадки был очень возбужден, взволнован, даже растерян. И тому было немало причин, о которых ни сам космонавт, ни те, кто обеспечивал полет, не рассказывали. Много лет на этих эпизодах полета лежало табу - грех «Совершенно секретно» запрещал даже упоминать о случившемся... А жаль! Ведь именно эти драматические минуты еще ярче высвечивают истинные масштабы подвига Юрия Гагарина!

Итак, о чем же новым свидетельствует секретный доклад?

Скажу сразу: этому документу следует доверять полностью, так как Юрий Гагарин писал откровенно, не скрывая ничего. Он прекрасно понимал, что после него в космос пойдут его товарищи, и они должны знать все, с чем ему пришлось столкнуться и что ему довелось пережить.

Связь после выхода на орбиту с «Весной» - центром управления полетом - была плохая. «При полете, примерно градусов до 40 южной широты, я не слышал Землю», - пишет в отчете Ю. Гагарин. - «Градусов около 40-45 южной широты по глобусу стали слабо прослушиваться музыка и позывные. Меня телефоном вызывали: «Кедр», я - «Весна!» И еще что-то говорили, но остальных слов я разобрать не мог. Позывные повторялись три раза. Я сразу включился на передачу, стал передавать: «Как меня слышите? Ответьте на связь!»

...Для Гагарина важно было знать, как именно работают системы корабля - ведь у него самой главной информации не было. Надо отдать должное космонавту: он упорно и последовательно, невзирая на отсутствие связи, надиктовывал на бортовой магнитофон всю информацию, которой располагал. Что

греха таить, Гагарин понимал: если что-то с ним случится, то эта информация будет чрезвычайно важна.

Вскоре связь улучшилась. Гагарин отмечает в своем докладе:

«Чем ближе подлетал к апогею, тем больше улучшалась слышимость, и примерно когда проходил мыс Горн (в апогее), я получил очередное сообщение.

Мне передали, что меня поняли, и я очень хорошо понял это. Мне сообщили, что корабль идет правильно, орбита расчетная, все системы работают хорошо...»

Впервые, хотя уже полвитка вокруг Земли позади, космонавт услышал, что полет проходит штатно. К сожалению, в прошлом не всегда так было - каждый из шести космонавтов, которые готовились к полету, прекрасно знал, что корабль-спутник с Мушкой и Пчелкой погиб, и никто не мог дать полной гарантии, что подобное не произойдет, когда на борту «Востока» будет человек... Информация о нормальном ходе полета, конечно же, немного успокоила Юрия. Однако главные испытания были впереди.

У космонавта выдалось несколько минут, чтобы поделиться своими впечатлениями. На магнитофонной ленте появилась такая запись:

«Перед выходом из тени я внимательно смотрел в иллюминатор «Взора», который был под углом к горизонту. Очень хорошо был виден горизонт. По самому горизонту наблюдал радужную оранжевую полосу, напоминавшую по своей окраске цвет скафандра. Далее окраска немного тяготеет к цветам радуги, переходя в голубой цвет, а голубой цвет переходит в черный. Совсем черный».

И сразу же лирика заканчивается. У космонавта уже нет времени, чтобы любоваться внеземными пейзажами. Начинается самый ответственный и, как оказалось позже, самый драматический этап полета. Начиналась ориентация корабля и подготовка к включению тормозной установки «Востока».

Гагарин пишет:

«Стало плавно падать давление в системах ориентации. Почувствовал более упорядоченное движение по тангажу. Затем корабль стал рыскать. Я понял, что системой солнечной ориентации Солнце «заго-

няется» в центральный датчик.

Вскоре корабль приобрел устойчивое положение для спуска. ТДУ (тормозное двигательное устройство) было направлено на Солнце, и довольно устойчиво. В это время была очень хорошая ориентация по «Взору». Во внешнем кольце горизонт был вписан совершенно равномерно. Видимые мною предметы двигались строго по стрелкам «Взора», т.е. так, как нужно для ориентации вручную. Затем Земля стала плавно уходить в левый угол (от ног).

В это время производил доклады. В системе ориентации давление постепенно падало и к моменту запуска ТДУ было примерно 110 атмосфер...»

Много раз во время тренировок космонавты отработывали именно этот этап полета. Впрочем, инструкторы предупреждали, что полностью имитировать реальность невозможно. Но пока все шло, как на тренировке. Юрий Гагарин пригласил к спуску:

«Закрыв правый иллюминатор. Притянул ремнями, закрыл гермошлем и переключил освещение на рабочее.

Затем, в точно заданное время, прошла третья команда. Как только погасло окошко при прохождении третьей команды, я стал наблюдать за давлением в ТДУ и в системах ориентации. Оно стало падать резко, с 320 атмосфер. Стрелка прибора четко шла на уменьшение давления. Я почувствовал, как заработало ТДУ. Через конструкцию ощущал небольшой зуд и шум.

Я засек время включения ТДУ. Перед этим секундомер поставил на нуль. ТДУ работало хорошо. Его включение произошло резко. Перегрузка нарастала немного, и потом резко опять появилась невесомость. В этот момент в системе автоматической ориентации и в баллоне ТДУ стрелки прыгнули на нуль. Время работы ТДУ составило ровно 40 секунд...»

Юрий Гагарин почувствовал, что реальные события отличаются от земных, тех, что были на тренировках. Здесь, на орбите, процессы шли иначе...

«...Как только включилось ТДУ, произошел резкий толчок, и корабль начал вращаться вокруг своих осей с очень большой скоростью. Земля у меня проходила во «Взоре» сверху - справа - вниз и влево.

Скорость вращения была градусов 30 в секунду, не меньше. Получился «кардибалет»...»

Именно так написано в докладе Юрия Гагарина. Он имел в виду кордебалет или что-то иное? Возможно, кто-то и способен упрекнуть первого космонавта Земли, что он знает не все иностранные слова, которые употребляются в русском языке, но, мне кажется, «кардибалет» наиболее точно отражает то, что происходило в эти мгновения с пассажиром «Востока»!

Итак:

«Получился «кардибалет»: голова - ноги, голова - ноги, с очень большой скоростью вращения. Все кружилось. То вижу Африку - над Африкой произошло это, - то горизонт, то небо. Только успевал закрываться от Солнца, чтобы свет не попал в глаза...»

Уже этого испытания достаточно, чтобы запаниковать! Однако Юрий был не из тех людей, у которых при неожиданностях сдавали нервы. Он был спокоен - и продолжал наблюдать за происходящим. Вмешаться в маневры корабля он не мог.

«Я поставил ноги к иллюминатору, - пишет Гагарин, - но не закрыл шторки. Мне было интересно самому, что происходит. Я ждал разделения.

Разделения нет!

Я знал, что по расчету это должно произойти через 10-12 секунд после выключения ТДУ.

При выключении ТДУ все окошки на ПКРС погасли. По моим ощущениям, времени прошло больше, но разделения нет. На приборе «Спуск-1» не гаснет, «Приготовиться к катапультированию!» - не загорается. Разделение не происходит.

Затем вновь начинают загораться окошки на ПКРС: сначала окошко третьей команды, затем - второй и затем - первой команды. Подвижной индекс стоит на нуле. Разделения никакого нет. «Кардибалет» продолжается...»

По всем инструкциям, по тем тренировкам, что проходил Гагарин, происходящее свидетельствует: корабль остается на орбите или начинает спускаться на Землю совсем не по той траектории, которую рассчитали его создатели. И Гагарин это прекрасно понимает:

«Я решил, что тут не все в порядке. Засек по часам время. Прошло минуты две, а разделения нет. Доложил по КА-каналу, что ТДУ работало нормально. Прикинул, что все-таки сяду нормально, так как тысяча шесть километров есть до Советского Союза, да Советский Союз - тысяч 8 километров. Значит, до Дальнего Востока где-нибудь сяду. Шум не стал поднимать. По телефону доложил, что разделение не произошло. Я рассудил, что обстановка не аварийная. Ключом передал: «В.Н.» - все нормально. Через «Взор» заметил северный берег Африки. Средиземное море все было четко видно. Корабль продолжал вращаться.

Разделение произошло в 10 часов 35 минут, а не в 10 часов 25 минут, как я ожидал, т.е. приблизительно через 10 минут после конца работы тормозной установки».

Юрий Гагарин никогда не упоминал, что эти 10 минут из 108 его полета были самыми драматическими. Они потребовали от него полной выдержки, и именно эти 10 минут подтвердили, насколько был точен выбор первого космонавта Земли. Выбор, который сделал Главный конструктор академик Сергей Павлович Королев.

Он приземлился на берегу Волги. Его еще не нашли. Гагарин увидел деревенский домик неподалеку. Медленно пошел к нему. Надо было срочно сообщить, что он благополучно вернулся на Землю.

Шагать в скафандре было тяжело. Да и космические переживания давали о себе знать - теперь он почувствовал, насколько трудно было там...

Анна Тахтарова и ее внучка Рита первыми встретили Гагарина. Они помогли ему снять скафандр...

А по радио доносилось о том, что в СССР осуществлен запуск первого человека в космос.

К домику Тахтаровых со всех сторон бежали люди - два парашюта были видны издали. Один - «Востока», другой - Гагарина. И люди спешили увидеть человека, о котором по радио говорили, что он летит над Землей. Но они-то собственными глазами видели, что он уже вернулся!

В Советском Союзе частенько сообщали о событиях позже, чем они на самом деле случались...

В книге «Дорога в космос», которую подарил мне Ю.А. Гагарин, на титульном листе он сделал надпись: «Всякий труд, большой или маленький, благороден, если он свершается на благо людей. Я счастлив, что в этом труде есть и моя доля». Мне кажется, трудно сказать о нем более точно... Хочу только добавить, что эта «доля» включает в себя и его мудрость, и его подвиг.

Владимир ГУБАРЕВ